

В. П. Даниленко

КАРТИНА
МИРА
В БЫЛИНАХ
РУССКОГО
НАРОДА

Валерий Петрович Даниленко

Картина мира в былинах русского народа

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36309375

Картина мира в былинах русского народа: Алетейя; Санкт-Петербург;

2018

ISBN 978-5-907030-73-2

Аннотация

Былинная картина мира того или иного народа по-своему отражает мировидение этого народа. У каждого народа оно своеобразно. Цель этой книги наметить путь к воссозданию былинной картины мира русского народа. Она анализируется по пяти рубрикам – мир, физическая природа, живая природа, психика и культура. Последняя в свою очередь состоит из материальной культуры, куда входят пища, одежда, жилище и техника, и духовной культуры, куда входят религия, наука, искусство, нравственность, политика и язык. Книга предназначена для тех, кто ценит русскую народную мудрость.

Содержание

Введение	5
1. Теоретические предпосылки	9
1.1. Краткая история собирания и изучения русских былин	10
1.1.1. Важнейшие сборники былин	11
1.1.2. Основные вехи в истории былиноведения	18
1.1.2.1. Мифологическая школа	19
1.1.2.2. Миграционная школа	20
1.1.2.3. Историческая школа	22
1.1.2.4. Эстетическая школа	29
1.2. Периодизация былинного сочинительства на Руси	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

В. П. Даниленко

Картина мира в былинах русского народа

© В. П. Даниленко, 2018

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

* * *

Не у всех младенчествующих народов есть прекрасная и богатая народная поэзия. Чем же обуславливается её расцвет? Энергиею народной жизни. Только там являлась богатая народная поэзия, где масса народа волновалась сильными и благородными чувствами, где совершались силою народа великие события.

Н. Г. Чернышевский

Введение

Весь мир иногда называют *универсумом*, а его эволюцию – *унигенезом*. Но у мира есть ещё и полуметафорическое название – *мироздание*. Следует сразу уточнить: мироздание *четырёхэтажное*.

На первом этапе мироздания расположилась физическая природа (земля, вода, воздух и т. д.). Её можно назвать также физиосферой. Внутри этого, нижнего, этажа происходит её эволюция – физиогенез. У физиосферы нет эволюционного возраста, потому что она вечна. Но эволюционный возраст Земли известен – 4,54 миллиарда лет. Она возникла из солнечной туманности. Возраст же Солнца – приблизительно 4,57 миллиарда лет.

На втором этапе мироздания расположилась живая природа (растения, животные, люди). Её можно также назвать биосферой. Внутри этого этажа происходит её эволюция – биогенез. Предполагают, что жизнь возникла на Земле 3,9 миллиарда лет назад.

На третьем этапе мироздания мы обнаруживаем психику (ощущения, восприятия, представления, понятия и т. д.). Внутри этого этажа протекает её эволюция – психогенез. Если психическую способность приписывать всем животным, то можно сказать, что эволюционный возраст психики совпадает с возрастом животных.

На четвёртом этаже мироздания, наконец, расположилась культура (пища, одежда, жилище, техника, религия, наука, искусство, нравственность и т. д.). Внутри этого, верхнего, этажа происходит её эволюция – культуругенез. Эволюционный возраст культуры совпадает с эволюционным возрастом человечества, поскольку создателем культуры стал человек. Собственно говоря, наш животный предок потому и стал превращаться в человека, что он стал создавать культуру. Вот почему культуругенез можно назвать также антропогенезом или гоминизацией (очеловечением). Его эволюционный возраст – приблизительно 2,5 млн. лет.

Культура делится на материальную и духовную. Первую составляет всё то, что связано с удовлетворением телесных потребностей человека – в пище, одежде, жилище, технике, а вторую – что связано с удовлетворением его духовных потребностей – в религии, науке, искусстве, нравственности, политике, языке.

Каждая сфера духовной культуры изображает мир по-своему. Иначе говоря, каждая из них создаёт особые картины мира – религиозные (мифологические), научные, художественные, нравственные, политические, языковые.

Таких картин – великое множество. Особенно ярко это видно на примере религиозных и языковых картин мира. Сколько народов – столько религиозных и языковых картин мира. У каждого народа, вместе с тем, имеются также свои научные, художественные, нравственные и политиче-

ские представления. Однако до более или менее разработанных научных, художественных, политических и языковых картин мира поднимаются по преимуществу цивилизованные народы (см. подр.: *Даниленко В. П., Даниленко Л. В. Эволюция в духовной культуре: свет Прометея*. М.: КРАСАНД, 2012. 640 с.). К таким народам принадлежат русские.

Русский народ создал богатейшие народные (фольклорные) картины мира. К их числу относятся его сказочная, пословичная и былинная картины мира. Первой из них посвящена моя книга «Картина мира в сказках русского народа» (СПб: Алетейя, 2017), а второй – «Картина мира в пословицах русского народа» (СПб: Алетейя, 2017). Предлагаемая книга, как следует из её названия, обрисовывает русскую былинную картину мира. В центре этой картины мира – русские богатыри.

Образы богатырей – идеализация русских воинов-освободителей. Душа слушателей былинных песен наполнялась надеждой, что и в жизни появятся такие богатыри, как Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алёша Попович. С воодушевлением они слушали начало былины «Застава богатырская»:

От славного от города от Киева
За три версты за мерные
Стояла застава великая:
Во-первых, стоял старый казак Илья Муромец,
Во-вторых, Добрынюшка Никитинич,

В-третьих, Алёша Попович млад.

1. Теоретические предпосылки

Автор «Слова о полку Игореве» (XII в.) писал: «Начати же ся тѣи пѣсни по былинам сего времени, а не по замышлению Бояню». Стало быть, под *былиной* он понимал то, что *было* на самом деле, а не вымышлено сочинителем.

С Ивана Петровича Сахарова (1807–1863) начинается история термина *былина* в фольклористике – науке о народном творчестве. Под *былиной* в ней стали понимать особый жанр в устном народном творчестве, который певцы-сказители называли *старинами*, *старинками* или *старинушками*. Но со временем и они освоили ласковое слово *былиночка*.

До И. П. Сахарова в учёной среде *былины* обычно называли поэмами или богатырскими сказками. Позднее *былинный* жанр стали называть героическим эпосом. Его главными героями стали русские богатыри – Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алёша Попович.

1.1. Краткая история собирания и изучения русских былин

Истоки былинного творчества восходят к IX–X вв. С этого времени начинается их песенная история. Одни певцы шли по пути творческой доработки уже имеющихся сюжетов, а другие не только дорабатывали старые сюжеты, но и создавали новые.

Особенно интенсивным в былинном творчестве был период с середины XII в. до конца XIII. Эти полтора столетия были трагическими для восточнославянского (древнерусского) народа.

С одной стороны, к середине XII в. Древняя Русь перестала существовать как более или менее единое государство. Киевская Русь ушла в прошлое. Киев утратил центральную роль в объединении восточнославянских племён. С другой стороны, в 1237–1240 гг. хан Батый совершил своё нашествие на Русь. В истории русского народа началась мрачная эпоха татаро-монгольского ига. Эта эпоха длилась около 250 лет – до 1480 г.

Утрата государственного единства Древней Руси к середине XII в. под эгидой Киева породила мечту о возрождении этого единства. Киев возродился, но не в реальной истории, а в былинах. Их певцы создали свой – былинный – Киев.

Нельзя считать, что былинный Киев целиком и полностью

отличается от реального Киева. В первом, как и во втором, живёт киевский князь Владимир. В первом, как и во втором, ему служат верные воины. В первом, как и во втором, русские люди живут в сходных условиях. Едят одну и ту же пищу. Пьют одни и те же напитки. Одеваются в подобные одежды. Строят подобные дома. Но при этом былинный Киев кардинальным образом отличается от реального.

Былинный Киев, несмотря на то, что в нём отражены некоторые черты реального Киева, – это по преимуществу другой Киев – художественный, воображаемый, созданный творческой фантазией былинных сказителей. В этом, былинном, Киеве живёт князь Владимир, художественный образ которого явно приукрашен по сравнению с его прототипом. В этом, былинном, Киеве живут богатыри – Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алёша Попович и др. В реальном Киеве их не было. Каждый из них – плод народной фантазии. Каждый из них – вымышленный художественный герой.

1.1.1. Важнейшие сборники былин

В 1804 г. русские былины, которые в устной форме существовали на протяжении многих столетий, приобрели печатную форму. В этом году появился первый сборник русских былин. Его составителем был Кирша Данилов. Кем он был этот человек со странным именем, точно неизвестно. Предполагают, что в первой половине XVIII в. он работал на заво-

де известного уральского богача П. А. Демидова. Возможно, именно он поручил Кирше Данилову записать былины. Тот выполнил эту работу и передал свои записи хозяину. После его смерти записи К. Данилова хранились у разных людей.

В 1804 г. Ф. Якубович издал записи К. Данилова под названием «Древние русские стихотворения». В 1818 г. этот сборник был переиздан К.Калайдовичем под другим названием – «Сборник Кирши Данилова». В этом сборнике помещено около 25 былин. Язык этих былин отличаются архаичностью. В некоторых местах их нелегко читать, зато для былиноведов «Сборник Кирши Данилова» – настоящий клад для восстановления истории былин.

В 1860–1874 гг. П. А. Бессонов издал десять выпусков «Песен, собранных П. В. Киреевским». Первые пять выпусков содержали былины.

Пётр Васильевич Киреевский (1808–1856) – известный славянофил. Как и другие славянофилы, он молился богу на русское крестьянство, в котором видел идеал нравственного совершенства. Чтобы его постичь, считал он, следует в первую очередь обратиться к русским эпическим песням. Он собирал их всю жизнь, но до их издания, к сожалению, дожить не успел.

Собирательская деятельность П. В. Киреевского была очень масштабной. Он подключил к ней великих современников – А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, В. И. Даля, А. Х. Востокова и др. В «Песни, собранные П.В.Киреевским» вошли

записи эпических песен, сделанных в Поволжье, на Севере, на Урале и др. областях России.

В 1861–1867 гг. вышли «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым». Павел Николаевич Рыбников (1832–1885) – был сыном московского купца-старообрядца. Он интересовался историей раскольников. Но в то время эта история была под запретом. Он был арестован и выслан на Север – в город Петрозаводск. Он стал в этом городе чиновником. В должности секретаря статистического комитета он впервые услышал онежские былины. Он был от них в восторге:

«Меня разбудили странные звуки: до того я много слышал и песен, и стихов духовных, а такого напева не слыхивал. Живой, причудливый и весёлый, порой он становился быстрее, порой обрывался и ладом своим напоминал что-то стародавнее, забытое нашим поколением. Долго не хотелось проснуться и вслушаться в отдельные слова песни: так радостно было оставаться во власти совершенно нового впечатления. Сквозь дрему я рассмотрел, что шагах в трёх от меня сидит несколько крестьян, а поёт-то седой старик с окладистой белой бородою, быстрыми глазами и добродушным выражением на лице. Присев на корточки у потухавшего огня, он оборачивался то к одному соседу, то к другому и пел свою песню, прерывая её иногда усмешкою. Кончил певец и начал петь другую песню, тут я разобрал, что поется былина о Садке-купце, богатом госте. Разумеется, я сейчас же был на ногах, уговорил крестьянина повторить про-

петое и записал с его слов» (Былины в двух томах. Т. 1. Сост. В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов. М., 1958 (сокращённо – ПП). С. VI–VII).

П. Н. Рыбников проделал огромную работу. В его сборник вошло рекордное для его времени число былинных текстов – 220. Эту работу продолжил Александр Фёдорович Гильфердинг (1831–1872). В 1852 г. он окончил историко-филологический факультет Московского университета. По окончании университета он защитил магистерскую диссертацию «Об отношениях языка славянского к другим родственным». Под влиянием славянофилов он стал заниматься славяноведением. В 1856 г. он стал членом-корреспондентом Петербургской Академии наук.

Вдохновлённый сборником П. Н. Рыбникова, летом 1871 г. он совершил поездку по Онежской губернии. Результат этой поездки был потрясающим: он собрал 318 былинных текстов от 70 сказителей. Они вошли в сборник «Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года». Он вышел после смерти автора от тифа – в 1873 г.

Сборники К. Данилова, П. В. Киреевского, П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга, изданные в XIX в., – основа былинного фонда. В XX в. появляется множество новых сборников былин. Назову здесь важнейшие из них.

1. Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. в 3-х т. М., 1904 (т.

1); Прага, 1939 (т. 2); СПб., 1910 (т. 3).

2. *Астахова А. М.* Былины Севера в 2-х т. М.-Л., 1938 (т. 1); 1951 (т. 2).

3. Русский народный эпос. Сводный текст. Сост. Н. В. Водозов. М., 1947.

4. Онежские былины. Сост. В. Чичеров. М., 1948.

5. *Соколов Б. М.* Былины. Исторический очерк, тексты и комментарии. М., 1957.

6. Былины в двух томах. Сост. В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов. М., 1958.

7. Добрыня Никитич и Алеша Попович. Сост. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1974.

8. Новгородские былины. Сост. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1978.

9. Былины. Сост. С. Н. Азбелев. Л., 1984.

10. Русская народная поэзия. Сост. Б. Н. Путилов. Л., 1984.

Выделю из этого списка трёхтомник Александра Дмитриевича Григорьева (1874–1940). У В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова читаем: «Пример с А. Д. Григорьевым особенно наглядно показывает, какие трудности чисто внешнего порядка вставляли на пути собирателей, сколько сил, упорства, желания надо было иметь, чтобы в течение нескольких лет настойчиво исследовать глухие места, в которых хранилась былина. Только в одну третью поездку за два с половиной

месяца Григорьев проехал 2098 вёрст по железной дороге, 180 на пароходе, 540 в лодках, 820 на лошадях и 62 версты прошёл пешком. Экспедиция проходила в холодную и дождливую погоду, в условиях бездорожья, полного отсутствия самых элементарных удобств, привычных для горожанина, безо всякой серьёзной поддержки со стороны местных и столичных учреждений и организаций. На свой страх и риск, одушевлённый страстью собирателя, Григорьев с фонографом в руках объехал и обошёл пешком 39 населённых пунктов, записал от 65 лиц 213 былин, сделал 174 записи напёвов на 52 валика, собрал массу наблюдений над бытованием эпоса в этом районе, подробно познакомился с условиями жизни крестьян» (ПП. С. X–XI).

Былинные певцы принадлежали не только к крестьянам, но и к другим социальным группам. Ю. М. Соколов писал: «Утверждать, что создателями и исполнителями былин в Древней Руси были непременно только крестьяне-землепашари, что былина была от начала до конца продуктом лишь крестьянского творчества, было бы неверно, так как огромное большинство былин говорит о событиях, совершавшихся в городах (Киеве, Великом Новгороде, Галиче-Волынском и т. д.), и в них содержатся исторически очень верные детали городского (военного, княжеско-боярского, купеческого) быта. Во всяком случае, слагатели былин были люди бывалые, люди, хорошо знавшие страну и бытовую, и общественную жизнь различных слоёв народа» (Соколов Ю. М.

Русский фольклор. М., 1941. С. 247).

Вплоть до XIX в. имена былинных сказителей были неизвестны, но в XIX в. некоторые из них приобрели известность. Самым знаменитым среди них стал, пожалуй, Трофим Григорьевич Рябинин (1801–1885). Он был олонецким крестьянином. Его исполнение былин отличалось большим мастерством.

П. Н. Рыбников писал Т. Г. Рябинине: «В его суровом взгляде, осанке, поклоне, поступи, во всей его наружности с первого взгляда была заметна спокойная сила и сдержанность» (*Пропп В. Я. Русский героический эпос* М., 1955 (сокращённо – Пр.). С. 517). Он исполнял множество былин – такие, как «Дунай», «Потык», «Илья и Калин-царь», «Илья и Соловей-разбойник» и др.

Трофим Рябинин стал родоначальником целой династии былинных сказителей. Самым талантливым оказался его младший сын Иван. Со временем он объездил с былинами множество городов. Искусным былинным исполнителем стал пасынок Ивана Трофимовича – Иван Герасимович Рябинин-Андреев, а от него выучился былинному искусству его сын Пётр Иванович Рябинин-Андреев.

Наиболее известной сказительницей стала Марфа Семёновна Крюкова (1876–1954). Она была архангельской крестьянкой. О ней писал В. Я. Пропп: «Марфа – новый тип исполнителя. Она относится к своему творчеству совершенно сознательно... Крюкова не только хранила созданное наро-

дом, но и создавала новые былины. Из 157 записанных от неё былин, по подсчётам А. М. Астаховой, – 78 былин новых, до этого бывших неизвестными» (Пр. С. 511).

1.1.2. Основные вехи в истории былиноведения

Издание былин в сборнике Кирши Данилова произвело на читающую публику впечатление разорвавшейся бомбы. Вот, оказывается, какие богатства хранит русский народ! Некоторые былины, входящие в этот сборник, проанализировал великий литературный критик Виссарион Григорьевич Белинский (1811–1848).

В. Я. Пропп назвал В. Г. Белинского «Основоположником науки о народной поэзии» (Пр. С. 14). «Для Белинского, – писал учёный, – песня прежде всего есть создание *художественного* гения народа» (там же). При этом он учил видеть в них не только художественный вымысел, но и обнаруживать в них следы тех или иных общественных условий, в которых они создавались.

Так, анализируя былинку о новгородском богатыре Василии Буслаевиче, В. Г. Белинский обращал внимание на неверность утверждений о том, что Василий Буслаевич был просто-напросто пьяницей и драчуном. Чтобы понять истинную природу Василия, учил В. Г. Белинский, мы должны увидеть в его конфликте с новгородцами вовсе не пьяную

драку, а проявление классовой борьбы, характерной для времени, когда былина о нём создалась. Он писал: «С самого начала поэмы (термин *былина* ещё не употреблялся. – В. Д.) вы видите существование в Новгороде двух сословий – аристократии и черни, которые не совсем в ладу между собой» (Пр. С. 429).

В академической науке в области былиноведения сложилось четыре школы – мифологическая, миграционная, историческая и эстетическая.

1.1.2.1. Мифологическая школа

Главой этой школы у нас стал Фёдор Иванович Буслаев (1818–1897). В 1838 г. он окончил словесное отделение Московского университета. С 1847 г. он профессор Московского университета. Ему принадлежит множество трудов. В своих суждениях о сказках и былинах он выдвинул на первый план их мифологическое происхождение.

Былинные богатыри истолковывались Ф. И. Буслаевым как потомки языческих богов. Сами эти боги олицетворяли те или иные природные стихии – землю, воду, воздух и т. п. Задачу исследователя былин он видел в том, чтобы обнаружить в том или ином богатыре его божественного предка. Такую задачу стал ставить перед собой и Орест Фёдорович Миллер (1833-1889) – выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета.

В докторской диссертации «Илья Муромец и богатство Киевское» (1870) О. Ф. Миллер довёл мифологическое истолкование былин до крайнего предела. Выразительный пример – истолкование боя Ильи со своим сыном Сокольников. Оказывается по О. Ф. Миллеру, что за этим боем кроется борьба бога-громовника с тучами, которые сам же он и порождает.

К мифологической школе примкнул и известный собиратель русских сказок Александр Николаевич Афанасьев (1826-1871). Как и О. Ф. Миллер, он возводил образ Ильи Муромца к богу-громовику. «Окованный зимней стужей, он сидит сиднем (т. е. не заявляет себя в грозе). Но вот чудесные странники, калики (весенние дождевые тучи), напоют его живительной влагой – дождём. Тогда он обретает силу, которую и направляет против злых демонов зимы и мрака. Его стрелы, которыми он поражает Соловья-разбойника, – стрелы-молнии. Свист Соловья – завывание зимних ветров, и т. п.» (*Астахова А. М. Былины. Итоги и проблемы изучения. М.-Л., 1966. С. 30*).

1.1.2.2. Миграционная школа

Эта школа (В. В. Стасов, Г. Н. Потанин, А. Н. Веселовский, ранний В. Ф. Миллер и др.) направила свои усилия на обнаружение сюжетов русских былин в зарубежном эпосе.

В статье «Происхождение русских былин» (1868) Влади-

мир Васильевич Стасов (1824–1906) искал истоки русских былин и сказок у восточных народов – Средней Азии, Индии, Ирана и др. Его выводы о заимствовании былинных и сказочных сюжетов от восточных народов звучат оскорбительно для русских былинных сказителей и сказочников. «Одним словом, как в отношении состава, так и подробностей, наши былины – довольно тощий и сильно кастрированный экстракт восточных поэм и песен, и притом точно такой же, как и наши сказки» (там же. С. 32).

Подобные измышления получили гневную отповедь со стороны Ореста Миллера, который имел крайне славянофильские взгляды.

Если В. В. Стасов и Г. Н. Потанин искали истоки русских былин на Востоке, то А. Н. Веселовский – на Западе. Он считал, например, что Чурила Пленкович переселился на Русь из Италии. Он явился в Киев, чтобы «изумлять своих более грубых соседей блеском своих культурных привычек и обстановки» (*Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. М., 2015. С. 277*).

В. Ф. Миллер считал, что сюжет «Садко» был заимствован новгородцами от эстонцев и финнов. Он писал: «Сюжет, известный в эстонском и финском фольклоре, перешёл к новгородцам. Но поскольку у русских одной из самых популярных была собственная сказка о морском царе, то заимствованная версия сюжета приняла форму былины» (*Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. Былины. М.,*

1.1.2.3. Историческая школа

Эта школа (В. Ф. Миллер, Л. Н. Майков, С. М. Соловьёв, Н. И. Костомаров и др.) выдвинула на первый план проблему соотношения былин с реальными историческими событиями, которые происходили в Древней Руси.

Главой исторической школы в былиноведении по праву считают Всеволода Фёдоровича Миллера (1848–1913). В 1870 г. он окончил историко-филологический факультет Московского университета и стал в дальнейшем учёным мирового класса. Его «Очерки русской народной словесности. Былины. I–XVI» (М. 1897. – 464 с.) написаны так, будто их автор – наш современник. Никаких архаизмов! Он поражает своих читателей колоссальной эрудицией и очаровывает их блеском своего изящного стиля. Читая его очерки о богатырях, начинаешь по-настоящему понимать, как высок был уровень былиноведческой мысли в XIX в.

Свою задачу В. Ф. Миллер видел в том, чтобы сквозь призму былинных песен восстанавливать те или иные исторические события. Он был убеждён в том, что сквозь былинную призму можно в какой-то мере рассмотреть и конкретных участников этих событий, ставших прототипами былинных героев.

На очень богатом материале В. Ф. Миллер усиленно ис-

кал прототипы русских богатырей. В результате пришёл, в частности, к выводу о том, что прототипом Добрыни Никитича был дядя киевского князя Владимира по имени Добрыня, прототипом Алёши Поповича – Александр Попович, который участвовал в битве на реке Калке в 1223 г. И т. д.

По поводу прототипа Добрыни Никитича В. Ф. Миллер писал: «Исходя из древней, внесённой в летопись, поговорки *Добрыня крестил огнём, а Путята мечом* и из сообщаемого отрывком Якимовской летописи рассказа о насильственном крещении новгородцев воеводами Владимира Добрыней и Путятой, я предположил, что предание о борьбе Добрыни с язычеством приняло впоследствии шаблонные черты боя героя с змием, являющимся олицетворением дьявола, язычества и всего нечистого. Подтверждение такого толкования былины я находил как в новгородском местном предании о змяке и перюньском ските, так и в отдельных деталях былины: купание Добрыни (креще ние), в Пучайной (т. е. р. Почайне, при устье которой в Днепре совершилось крещение киевлян), в отчестве *Забавы Путятичны*, последнем следе летописного воеводы Путяты, избавленного Добрыней от нападения новгородских язычников, в приёмах борьбы Добрыни (шляпа земли греческой) и проч.» (Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. М., 2015. С. 220).

Леонид Николаевич Майков (1839–1900) изложил свою позицию в книге «О былинах Владимирова цикла» (1863)

следующим образом: «Содержание былин Владимирова цикла хотя и вымышленное, но представляется в обстановке, заимствованной из положительной истории, и поэтому хотя между сюжетами былин есть и такие, которые можно возвести к эпохе доисторического сродства индоевропейских преданий, тем не менее всё содержание былин, а в том числе и эти древнейшие предания представляются в такой редакции, которая может быть приурочена только к положительно-историческому периоду. Поэтому необходимо всмотреться в главные исторические данные, встречаемые в былинах Владимирова цикла» (там же. С. 38).

Л. Н. Майков не был крайним «историцистом» в былиноведении. Он считал, что стремиться к установлению прототипов у русских богатырей бессмысленно, поскольку эти богатыри – плод художественной фантазии. Он писал об Илье Муромце: «Илья существует не в истории, а в одном эпосе» (*Аникин В. П.* Русское устное народное творчество. М., 2001 (сокращённо – Ан.). С. 302).

В советской России историческая школа в былиноведении стала приобретать революционные ориентиры. В 1919 году А. В. Луначарский опубликовал статью с громким названием – «Илья Муромец – революционер». В этой статье он пишет об Илье: «Именно крестьянский сын является атаманом, именно он старшой и самый могучий» (*Астахова А. М.* Былины. Итоги и проблемы изучения. М., 1966. С. 103).

Бунт Ильи Муромца против Владимира А. В. Луначар-

ский расценивает как бунт революционный: «Вы видите здесь Илью Муромца-революционера. Не только решается он самым резким образом протестовать против недостаточной чести, которую оказывает ему князь, но ещё выясняется его глубинная близость с голью кабацкою» (там же). Как революционный поступок А. В. Луначарский расценивает и стрельбу Ильи из лука по киевским церковным маковкам.

Кто же Илье противостоит? О Владимире А. В. Луначарский пишет: «На каждом шагу видим мы Владимира рыхлым и безвольным человеком, на которого влияют всякие наушники, заставляющие его самым несправедливым образом относиться к лучшим своим защитникам» (там же).

Свою статью А. В. Луначарский заключает таким выводом: «Крестьянское самосознание, горделиво выдвигая Илью как своего героя, в то же самое время с злобной насмешкой относится к Владимиру Красное Солнышко, несмотря на его признанную церковью святость» (там же).

Традиции исторической школы в былиноведении были продолжены в советское время такими известными учёными, как В. И. Чичеров, Д. С. Лихачёв и Б. Д. Греков.

- В. И. Чичеров: «Былины – эпические песни, отразившие факты русской истории главным образом 11–16 веков» (*Чичеров В. И. Фольклор. М., 1940. С. 35*)

- Д. С. Лихачёв: «Былина – не остаток прошлого, а историческое произведение о прошлом» (*Лихачев Д. С. Возникновение русской литературы. М.-Л., 1952. С. 237*).

• Б. Д. Греков: «Былина – это история, рассказанная самим народом» (*Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1953. С. 7).

Главой исторической школы в советском былиноведении стал Борис Александрович Рыбаков (1908–2001). В 1930 г. он окончил историко-этнологический факультет МГУ. В 1939 г. защитил кандидатскую диссертацию «Радимичи», а в 1942 г. – докторскую диссертацию «Ремесло Древней Руси». Он был очень титулованным учёным. Вот главные его титулы: действительный член АН СССР (1958), выдающийся историограф славянской и русской культуры, Герой социалистического труда (1978).

Непосредственное отношение к былиноведению имеет книга Б. А. Рыбакова «Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи» (1963). Былины интересовали её автора не сами по себе, а лишь постольку, поскольку они служили для него в качестве материала для изучения истории Киевской Руси. «Книга о древнерусских сказаниях, былинах и летописях, – читаем в первом предложении этой книги, – является своего рода введением в историю Киевской Руси» (*Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи М., 2016 (сокращённо – Рыб.). С. 3).

Б. А. Рыбаков писал: «Несмотря на обилие поэтических образов, метафор, обобщённых эпических ситуаций, несмотря на нарушение хронологии и смещённость ряда событий, былины всё же являются превосходным и единственным в своём роде историческим источником. Только

былины, сложенные самим народом, могут указывать нам на оценку родной истории народом, творцом её. Только из былин, из рассмотрения всего былинного фонда в целом можем мы установить, какие периоды истории воспевались народом и о каких умалчивалось» (Рыб. С. 4).

Б. А. Рыбаков стремился к установлению исторических прототипов у тех или иных былинных героев. Так, вслед за В. Ф. Миллером он считал Добрыню, дядю киевского князя Владимира и брата его матери Малуши, прототипом былинного Добрыни Никитича. По былинам о нём он восстанавливал придворную карьеру исторического Добрыни. Он, в частности, писал:

«Былинная характеристика Добрыни Никитича никак не расходится с летописной. Былинный богатырь не княжеского рода, но исполнен достоинства, “вежества”, обучен грамоте, игре в шахматы, всем воинским искусствам. Он – дипломат, воин, придворный, и в то же время – певец и музыкант; его гусли и уменье играть на них упоминаются часто.

В то же время былины сохранили и такие детали из ранней молодости Добрыни, которые остались за пределами летописного рассказа:

Да три года жил Добрынюшка да конюхом,
Да три года жил Добрынюшка придверничком,
Да три года жил Добрынюшка да ключником,
Ключником Добрынюшка замочником,
Золотой да казны да жил учётчиком,

На десят-от год тут сдумал ехать во чисто-поле.
По три годы Добрынюшка стольничал,
По три годы Добрыня приворотничал,
По три годы Добрынюшка чашничал,
На десятое-то лето стал конём владать.

Придворная карьера брата ключницы Малуши могла действительно начинаться с таких низких ступеней. Былинный Добрыня делает то же самое, что делает и Добрыня летописный: женит Владимира, ратоборствует с язычеством, воюет во чистом поле с врагами Руси» (Рыб. С. 85–86).

Недавно вышла книга «Древняя Русь в зеркале былинной традиции» С. В. Козловского (СПб., 2017). Как и другие представители исторической школы, он видит в былинах не самоценный предмет исследования, а лишь один из источников для изучения русской истории.

С. В. Козловский пишет в эпилоге: «Былинный героический эпос, неразрывно связанный с цивилизацией Киевской Руси, даёт возможность проследить путь её социального развития от рождения до разгрома в ходе татаро-монгольского нашествия. Однако общественное развитие не остановилось с падением киевской цивилизации. Об этом позволяет судить наличие в эпических песнях общерусских идей уже в период ордынского ига. Черода актуальных для общества идей, общерусских по своей сути, нашедших отражение не только в эпосе, но и в письменных источниках, даёт возможность скорректировать некоторые выводы исследователей о

развитии цивилизаций, а также о стимулах их эволюции вообще» (указ. соч. С. 333).

1.1.2.4. Эстетическая школа

Историческая школа в былиноведении использует былины в качестве материала для изучения тех или иных исторических событий и их участников. Никто не может ей запретить это делать. Но былины достойны быть не только материалом, но и предметом для самостоятельного исследования. Они имеют непреходящую художественную самоценность. Они составляют собственный предмет былиноведческой науки как таковой.

На односторонность исторического подхода в былиноведении ещё в 1924 г. указал А. П. Скафтымов. Он писал: «Былину, как таковую, проглядели, всегда хотели видеть в ней только музейные отголоски прошлого, оттого исследования о ней превращались в трактаты общей культурной и политической истории» (*Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин. Поэтика художественного произведения. М., 1924. С. 40*).

К точке зрения А. П. Скафтымова присоединилась А. М. Астахова. Она писала: «В былинах отражение исторического прошлого дано в таких больших художественных обобщениях, что в результате получается лишь общая картина определённого периода или известного момента исто-

рической жизни народа... Также и образы богатырей, имена которых восходят к определённым историческим деятелям, не дают исторических портретов. В них заключены идеальные представления о герое, родившиеся на основе широкого обобщения действительности, и показаны различные типические проявления героики. То же следует сказать и о былинных воплощениях врага» (Северные исторические песни. Сост. А. Н. Астахова. Петрозаводск, 1947. С. 5–6).

Главой эстетической школы в советском былиноведении стал В. Я. Пропп. Он утверждал: «Былина основана не на передаче в стихах исторического факта, а на художественном вымысле» (Пр. С. 27). Тут же он уточнял: «Былины отражают не единичные события истории, они выражают вековые идеалы народа» (там же).

К В. Я. Проппу присоединился Б. Н. Путилов. Он утверждал: «Существует довольно распространённое мнение, согласно которому в основе любой былины лежит конкретное историческое событие, а большинство былинных персонажей имеет реальных прототипов. Сначала народ будто бы создавал исторические песни о подлинных событиях и людях, но с течением времени они подверглись эпической переработке и принимали вид былин. При таком подходе содержание былин обедняется и упрощается, причём конкретно-исторические толкования их неизменно избылиуют натяжками... Гораздо более обоснованным является подход к былинам как художественным произведениям, создававшимся в

форме богатырских, фантастических по содержанию песен, не связанных с конкретными фактами истории и реальными лицами» (Русская народная поэзия. Эпическая поэзия. Сост. Б. Н. Путилов. Л., 1984. С. 14–15).

Б. А. Рыбаков в своей книге посвятил несколько страниц критике эстетической школы в былиноведении. В этой критике он зашёл слишком далеко. Он стал обвинять В.Я.Проппа и Б. Н. Путилова в антиисторизме. Так, о первом из них он писал: «В. Я. Пропп, борясь с буржуазной исторической школой, оторвал вообще русские былины от реальной исторической действительности» (Рыб. С. 55).

Приведённые слова отвергает чуть ли не каждая страница из прекрасной книги В. Я. Проппа «Русский героический эпос». Никакого антиисторизма в ней нет. Спор между Б. А. Рыбаковым и В. Я. Проппом есть спор дисциплинарный. Первый из них – представитель внешнего былиноведения, а второй – внутреннего. Первый видел в былинах в первую очередь материал для изучения русской истории, а второй – собственный предмет былиноведческой науки как таковой.

К эстетической точке зрения на соотношение былинного мира и исторической действительности присоединился В. П. Аникин. Но он её выразил менее категорично, чем Б. Н. Путилов. Он указывал: «Былины отразили историческую действительность в образах, реальная основа которых обогащена фантастическим вымыслом» (Аникин В. П. Теория фольклорной традиции и её значение для исторического исследо-

вания былин. М., 1980. С. 259).

В. П. Аникин, вместе с тем, писал: «Невозможно, например, сказать, кто именно изображён в Илье Муромце – главном герое былин, какое конкретное событие отразилось в былине о бое Добрыни со змеем и пр.» (Ан. С. 302).

Подобным образом определяет соотношение между реальным миром и былинным (эпическим) И. П. Черноусова. Она пишет в своей докторской диссертации: «В вопросе соотношения эпического мира, представленного в былинах, с историческими событиями мы следуем за учёными, считающими, что в былинах излагается своя былинная история и создается “свой” мир, непосредственно не соотносимый с реальным миром. Былина сохранила следы исторической конкретности: имена, реалии, жизненные эпизоды, бытовой фон эпохи в преломлении, диктуемом поэтической традицией. Их отбор определялся народными чаяниями и народными идеалами» (*Черноусова И. П. Язык фольклора как отражение этнической ментальности (на материале фольклорной концептосферы русской волшебной сказки и быliny)*. Липецк, 2013. С. 121).

Между тем традиция связывать быliny «с конкретными фактами истории и реальными лицами» (Б. Н. Путилов) продолжает сохраняться в нашей фольклористике. Она представлена, например, в книге Т. В. Зуевой и Б. П. Кирдана «Русский фольклор». Мы находим в ней отсылки к прототипам Добрыни Никитича, Алёши Поповича и др.

Авторы этой книги, в частности, сообщают своим читателям о том, что был прототип у Тугарина Змеевича. Они пишут: «Исторический прототип Тугарина Змеевича – половецкий хан Тугоркан (его имя, как видим, похоже на имя Тугарина. – *В. Д.*), погибший под Киевом в 1096 г. Он был в родственных отношениях с киевскими князьями. При Владимире Мономахе Тугоркан разорил окрестности Киева, был разгромлен и убит» (*Зуева Т. В., Б. П. Курдан. Русский фольклор. М., 1998. С. 192*).

В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов отвергали научную ценность самого подхода, направленного на установление прототипов у тех или иных былинных персонажей. Так, Б. Н. Путилов писал: «Попытки найти за этими Змеями (с которыми сражались Добрыня и Алёша. – *В. Д.*) исторических персонажей (например, половецких ханов) фактически необоснованны и ничего не добавляют к прочтению былин в их общем художественном смысле» (*Русская народная поэзия. Эпическая поэзия. Сост. Б. Н. Путилов. Л., 1984. С. 18*).

Как относиться к проблеме установления прототипов у былинных героев?

Такие прототипы чрезвычайно гипотетичны. Степень их гипотетичности так велика, что само установление прототипов у былинных героев часто теряет свою научную ценность. Но следует ли отсюда, что в былиноведении следует вообще отказаться от прототипического подхода?

Ни один серьёзный былиновед не отказывался от данно-

го подхода, когда речь шла, например, о князе Владимире. Сравнение исторического Владимира с былинным вовсе не бесполезно: в сравнении познаётся истина. Оно высвечивает дополнительные черты в былинном образе киевского князя.

Прототипический подход имеет право на существование в былиноведческой науке. Были и будут люди, которые будут относиться к этому подходу не столь отрицательно, как В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов. Более того, попытки, направленные на установление прототипов у былинных героев, будут сохраняться в науке и в будущем.

Эти попытки, вместе с тем, следует расценивать как гипотезы. У одних исследователей они более аргументированы, у других – менее. Однако в любом случае необходимо признание самого принципа гипотетичности в установлении тех или иных прототипов у былинных персонажей.

Слишком много воды утекло! Вот почему сравнение гипотетических прототипов с былинными героями должно быть осторожным. Оно не должно сбивать исследователя с толку при трактовке былинных образов. Нельзя с детской доверчивостью относиться и к выводам сторонников прототипического подхода в былиноведении.

Былинные прототипы остаются в конечном счёте за бортом былинной картины мира. Она изображает художественные образы былинных персонажей, а не их гипотетических прототипов.

Вслед за Б. Н. Путиловым сказочную и былинную карти-

ны мира следует рассматривать как особые – художественные – перекодировки историко-этнографической действительности. *Перекодировка* значит *переименование*.

Сказки и былины *переименовывают* обыденное представление о мире. Это и приводит к созданию сказочной и былинной картин мира. Эти картины мира своеобразны. Они *иные* не только в сравнении с обыденной картиной мира, но и с другими картинами мира – религиозной, научной и т. п.

Никто не сомневается в том, что былины связаны с определёнными историческими событиями. Они не создавались в безвоздушном пространстве. В них не могла не проникнуть стихия реальной жизни. Но следует помнить, что их герои – вымышленные персонажи. Они – плод художественной фантазии былинных сказителей.

В XX – XXI вв. былиноведение интенсивно развивалось. Об этом свидетельствует такой далеко неполный список исследований:

1. *Скафтымов А. П.* Поэтика и генезис былин. М., Саратов, 1924.
2. *Пропп В. Я.* Русский героический эпос. М., 1955.
3. *Жирмунский В.* Народный героический эпос. М.-Л., 1962.
4. *Плисецкий М. М.* Историзм русских былин. М., 1962.
5. *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.
6. *Мелетинский Е. М.* Происхождение героического эпоса.

М., 1963.

7. *Астахова А. М.* Былины. Итоги и проблемы изучения. М.-Л., 1966.

8. *Линец Р. С.* Эпос и Древняя Русь. М., 1969.

9. *Путилов Б. Н.* Русский и южнославянский героический эпос. М., 1971.

10. *Дмитриева С. И.* Географическое распространение русских былин. М., 1975.

11. *Юдин Ю. И.* Героические былины: Поэтическое искусство. М., 1975.

12. *Блажес В. В.* Содержательность художественной формы русского былевого эпоса. Свердловск, 1977.

13. *Мирзоев В. Г.* Былины и летописи – памятники русской исторической мысли. М., 1978.

14. *Аникин В. П.* Теория фольклорной традиции и её значение для исторического исследования былин. М., 1980.

15. *Аникин В. П.* Былины. Метод выяснения исторической хронологии вариантов. М., 1984.

16. *Путилов Б. Н.* Героический эпос и действительность. Л., 1988.

17. *Астафьева Л. А.* Сюжет и стиль русских былин. М., 1993.

18. *Фроянов И. Я., Юдин Ю. И.* Былинная история. СПб., 1997.

19. Поэтика былин в историко-филологическом освещении: композиция, художественный мир, особенности языка.

Под ред. А. В. Кулагиной. М., 2009.

20. *Козловский С. В.* Древняя Русь в зеркале былинной традиции. СПб., 2017.

Имена двух выдающихся былиноведов заслуживают особого внимания – Владимира Яковлевича Проппа (1895–1970) и Владимира Прокопьевича Аникина (род. в 1924).

В 1914–1918 гг. В. Я. Пропп учился на филологическом факультете Петроградского университета. С 1932 г. он стал работать в ЛГУ. С 1938 г. он его профессор. Его книгу «Русский героический эпос» (1955) можно смело назвать библией были-новедения. В ней даётся тонкий, глубокий, обстоятельнейший и непревзойдённый анализ множества наиболее известных былин.

В. П. Аникин в 1950 г. окончил филологический факультет МГУ. В 1954 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Значение народной поэзии в творческом развитии Алексея Николаевича Толстого», а в 1974 г. – докторскую диссертацию «Теория фольклорной традиции и её значение для исторического исследования былин». В 1979 г. он стал заведующим кафедрой русского устного народного творчества в МГУ.

1.2. Периодизация былинного сочинительства на Руси

Вопрос о периодизации былинного сочинительства на Руси относится к числу дискуссионных.

В. Я. Пропп в своей книге рассматривает периодизацию былинного сочинительства в соответствии с важнейшими событиями русской истории.

1. Феодализм (Волх Всеславьевич, Святогор, Михайло Потык, Дунай, Добрыня Никитич, Алёша Попович и др.).

2. Борьба с татаро-монгольским нашествием (Илья Муромец).

3. Образование централизованного русского государства (Микула Селянинович, Василий Буслаевич, Дюк Степанович и др.).

Более подробную периодизацию былинного творчества представил в своей книге Б. А. Рыбаков. Вот эта периодизация:

1. Начало былинной поэзии в IX–X вв. (Микула Селянинович).

2. Владимиров цикл былин конца X в. (Добрыня Никитич, Илья Муромец).

3. Былины середины XI в. (Соловей Будимирович, Глеб Володьевич).

4. Былины эпохи Владимира Мономаха (Алёша Попович,

Святогор, Чурило Пленкович и др.).

5. Угасание былинного жанра в XII–XIII вв. (Саур Леванидович, Сухман Одихмантьевич).

Б. А. Рыбаков так верил в соответствие между историческими событиями и былинными, что отважился даже на датировку былин. Самым плодотворным периодом в создании былин он считал время с 975 г. по 990 гг. Вот как у него выглядит датировка некоторых былин этого времени:

975–977 гг. – «Микула Селянинович»;

980 г. – «Женитьба князя Владимира»;

981 г. – «Василий Казимирович»;

988–991 гг. – «Добрыня и Змей»;

988–993 гг. – «Исцеление Ильи Муромца»;

996 г. – «Илья Муромец и Соловей-разбойник»;

990 гг. – «Бой Ильи Муромца с сыном».

В качестве комментария к этим датировкам Б.А.Рыбаков поместил под ними такие слова: «Конечно, эта детальная периодизация внутри одного цикла никогда не может быть доказана с полной неопровержимостью во всех своих звеньях, так как ряд былин дошёл до нас со следами позднейших переделок и дополнений. Отдельные события и новые исторические лица других эпох, далёких от времени сложения былин, несомненно, повлияли на степень сохранности первоосновы (например, образ Марины Мнишек в былине о Добрыне и Маринке), но без попытки выделить хронологическую канву первичных былин, без сопоставления былин Владими-

рова цикла с реальными событиями народной жизни в эпоху Владимира мы вообще не можем и думать о каком бы то ни было анализе былинного творчества» (Рыб. С. 103).

Автор этих слов устанавливал «хронологическую канву первичных былин» с лёгкостью необыкновенной. Отсюда те неизбежные натяжки, за которые В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов справедливо критиковали историческую школу в былино ведении.

Так, былину «Женитьба князя Владимира» Б. А. Рыбаков подвёл под 980 г. По его мнению, в этой былине в какой-то мере отражены реальные события, связанные с женитьбой Владимира. По наущению своего дяди Добрыни он сначала изнасиловал полоцкую княжну Рогнеду на глазах её родителей и убил их вместе с её братьями, а потом насильно на ней женился.

Б. А. Рыбаков пишет: «Былина облекла женитьбу Владимира в более приличную форму брака киевского князя на дочери соседнего короля; князь не едет сам по невесту, а ждёт, когда её привезут, хотя бы силой» (Рыб. С. 87).

Кровавые события, связанные с бандитским поведением Владимира и его дяди в Полоцке, с лёгкостью необыкновенной притянуты Б. А. Рыбаковым за уши к былинной женитьбе киевского князя. С лёгкостью необыкновенной наш знаменитый историк превращает здесь чёрное в белое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.